

ОТ СТОЛЫПИНА ДО ХРУЩЕВА

Воспоминания деда Максима

А.А. Шапошников

Новосибирский государственный университет
Экономики и управления – НИИХ

shaposhnikov.alexandr@mail.ru

Статья носит мемуарный характер и отражает аграрно-экономическую историю России от столыпинской аграрной реформы до 60-х годов прошлого века через свидетельства очевидцев и участников событий того времени – от переселения в Сибирь до последнего хрущевского «обобществления» крестьянина. Статья через взгляд современника дает картину жизни трудолюбивой и талантливой крестьянской семьи, исчезнувшей с социальной карты России «как класс» в результате российского коммунистического эксперимента XX века.

Ключевые слова: Столыпинская аграрная реформа, переселенцы, раскулачивание, ссылка, образцовое хозяйство, урожайность, освоение целины.

Имя Петра Аркадьевича Столыпина не только неразрывно связано с историей России, но также отчасти и с историей Новосибирской области. Правда, области в те времена еще не было, был безудельный город Новониколаевск, входящий в состав Томской губернии. Во время знаменитой поездки Столыпина с группой высших чиновников по Сибири в 1910 году, премьер-министр посетил и Новониколаевск. Тогда, с участием министра землеустройства В. Кривошеина, оценивалась работа Переселенческого управления, размеры выделяемых переселенцам земель, выдача льготных ссуд Крестьянским банком, строительство новых церквей, школ, больниц. В отчете государю Столыпин затем отмечал, что только в прошлом 1909 году построено 48 церквей, 60 больниц и 98 начальных школ. Замечу,

что именно Столыпин был инициатором и отчасти разработчиком Закона о всеобщем начальном образовании, принятом Государственной Думой в 1907 году!

Переселение безземельных и малоземельных крестьян за Урал, в Западную и Восточную Сибирь, было только частью аграрной реформы, проводимой Столыпиным. И часть эта была столь хорошо продумана, так активно выполнялась и так строго контролировалась, что по сию пору поражаешься глубине и тщательности проработки отдельных вопросов, преимуществ, стимулирующих переселенцев. Назовем лишь некоторые: главе семьи предоставлялся участок в 15 десятин (15 га), а на остальных членов семьи – до 45 десятин! На семью выдавалось денежное пособие до 400 руб., это гораздо больше

двухгодовой зарплаты сельского рабочего. Помимо этого предоставлялась льготная ссуда на 25 лет в размере, зависящем от обрабатываемого участка, строительства дома, покупки сельхозмашин. А кроме того, на 5 лет переселенцы освобождались от налогов и от воинской службы. Наконец по инициативе Столыпина Министерством путей сообщения были разработаны и построены специальные вагоны для переселенцев, названные позже столыпинскими. В одной половине вагона – обычные спальные места, во второй – места для перевозки инвентаря и домашнего скота, чтобы переселенец в пути сам ухаживал за своей животиной. Кроме того, в вагоне действовало водяное отопление, туалет и всегда готовый титан с кипятком. Вагоны считались четвертого класса и билеты для переселенцев в них стоили в три раза дешевле обычных! Но и это еще не все: перед переселением предусматривалась казенная (т. е. бесплатная) отвозка смотрок для осмотра нового места. Вот по этой программе дед мой Максим Акимович Шапошников, 1881 года рождения, с десятью соседями из села Яблонивка под Полтавой и приехал в село Гусельниково под Новониколаевском весной 1911 года. Смотроки посмотрели и пощупали землю, съездили в уездный центр – село Легостаево, подписали нужные документы и вернулись за семьями. Из-под Полтавы дед Максим увез жену Лепестинью, дочку Матрону и единственную лошадь с конным плугом. Еще успели и к поздней запарке сибирской целины. Через четыре года у Максима Шапошникова стоял рубленый дом, пять окон по фасаду, в хлеву дремали пять коров, а в конюшне хрустели овсом четыре лошади, были и конные грабли, жатка, сенокосилка. Да еще и три сына народи-

лись один за одним, а всего в семье Шапошниковых было пять сыновей и одна дочь. Отец мой Арсений Максимович родился в 1920 году и был самым младшим. Хозяйство деда Максима считалось в селе образцовым, хотя и было далеко не самым крупным.

Но я увидел деда впервые не в Гусельниково, а лет в пять в селе Ургун, где дед с бабушкой Лепестиньей Яковлевной жили в избе со старшей дочерью Матреной (этот брошенный дом и по сию пору стоит на том самом месте в зарослях деревенского бурьяна на окраине деревни). Помню ослепительный зимний день, заваленные снегом по самые крыши дома, ярко синее небо и белейшие, невиданные в городе, сугробы с вызывающе желтыми разводами, и не только в глухих переулках, но и на центральных улицах. Село Ургун в четырех километрах от железнодорожной станции Евсино было по нынешним понятиям очень населенным. И школа в нем была двухэтажная, белая, а директор этой школы слыл едва ли не самым уважаемым в селе человеком. А пока же, на первой встрече, дед в ватнике и огромных белых пимах чистил снег. Дед переехал в Ургун к дочери после того, как его, культурного хозяина, в 1930 раскулачили и сослали, слава богу, что не в Нарым, а на известковое производство на станцию Ложок. Там, за колючей проволокой, дед и отработал три или четыре года. Готовился дед, конечно, ехать в Нарым, как и большинство сосланных его односельчан (настоящих кулаков), но судьба распорядилась иначе. Про Нарым мне рассказывал много лет спустя мой учитель профессор Наринский, в начале тридцатых он работал в аппарате первого секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКПб Роберта Индриковича Эйхе, занимался во-

просами сельского хозяйства. Помню, сидим мы в ресторане гостиницы Обь, любуемся речным закатом, и Наринский рассказывает, как от пристани у Бугринской рощи отходили вереницы барж с тысячами раскулаченных и в мертвой тишине уходили на Север, во мглу, в Нарым... А там на нежилых берегах людей выбрасывали, оставляли топоры, лопаты, немного картошки: устраивайтесь! Через пару месяцев – землянки, через пару лет – рубленые избы, посевы, огороды и даже скотина! Вы думаете, почему так получалось? – спрашивал Наринский. Потому, что там не было советской власти, были только комендатуры, и царь и бог – начальник комендатуры! И все решалось по разумению и здравому смыслу, конечно для тех, кто выжил. Результаты были таковы, что в 1935 году Наринский стал инициатором и организатором выставки достижений сельского хозяйства Нарымского края. Выставка проходила в клубе Сталина под крылом НКВД и поразила даже знатоков: масло – лучше вологодского, картофель – прямо белорусская бульба, даже пшеница и рожь под стать алтайским!

Известковое производство – тоже не сахар. Человек в известковой пыли сгорал за полгода, не спасали никакие маски, но дед попал в кладовщики, а потом и в счетоводы, ибо считал, писал и читал очень хорошо. Мог ли он предполагать, что через семь десятков лет в Новосибирске будет вручаться губернаторская стипендия имени Арсения Максимовича Шапошникова (его младшего сына) лучшим студентам-бухгалтерам! А пока дом и имущество Максима Шапошникова описали, семья разбрелась по родным и знакомым (слава богу, что не в ссылку). Дед же, вернувшись, купил старую избу дочке Матроне, которая к тому времени вышла замуж,

и сам с бабушкой переехал к ней. И было это в селе Ургун.

С тех самых пор я так и вспоминаю его чаще всего: в ватнике, пимах и с лопатой! Причем не с летней штыковой, а с деревянной снеговой! Я не могу вспомнить деда, вскапывающего огород или окучивающего картошку, это, говорил он, бабы дела. Кстати, огород дед всегда пахал конным плугом, коня и плуг для этого брал в колхозе. А вот с косой он управлялся лихо! У тетки Матрены была корова Галя, да и еще немало всякой скотины, и сена требовалось прилично. Дед даже мне, лет в 9-10, сделал небольшую косу и брал меня с собой на покосы. На ближние покосы ездили прямо на корове Гале, запряженной в простую телегу. Галя этому ничуть не удивлялась, удивлялся я (как юный пионер!). Выезжать надо было очень рано, часов в 5, чтобы косить по росе. Дед шел первым и, вжикая косой, размеренно укладывал кошенину на росистую стерню. Мне отводили крайний небольшой рядок либо вообще предлагали в одиночку выкосить небольшую полянку, тогда все орехи были хорошо видны. А дед тем временем покрикивал на косцов, случалось, и посылал их по матушке. Еще до полудня косьба заканчивалась, и печальная Галя потихоньку везла нас к дому. Так продолжалось два или три дня, хозяйство у тетки было небольшое, не то что у Мелеховых или Улыбиных из романов Михаила Шолохова или Константина Седых. Там на покосы выезжали на пару недель. В конце пятидесятых, как известно, все личные хозяйства по инициативе Хрущева обложили такими непомерными налогами, что всю домашнюю скотину Россия пустила под нож, да и посевы многих культур сократились. Хрущев, как известно, был одержим идеей преобразования всех колхозов в со-

входы и превращения всех видов собственности в общественную или общенародную. Даже личные автомобили считал буржуазным предрассудком, а все потребности в передвижении, как он говорил, успешно удовлетворит общественный транспорт. Кстати, до станции Евсино из Ургуна всегда ходили пешком, 4 км в любую погоду, и по сию пору так! А у тетки Матрены осталась одна корова три овечки и пяток курей. Удивительно, что к 1913 году после реформ Столыпина Россия производила около 86 млн тонн зерна и продавала его всему миру. Сибирское, и особенно алтайское, зерно в этих продажах было далеко не последним. Ибо с 1906 по 1912 год в Сибирь переселились и остались там (!) более 2,5 млн чел. Потому и площади сельхозугодий выросли на треть, а производство зерна с 68 млн тонн в 1907 году до 86 млн тонн в 1912! В учебниках истории, по которым учился я, беззастенчиво писалось о том, что столыпинская реформа была неудачной, что многие переселенцы разорились и вернулись. Вернулись и на самом деле около 700 тыс. чел., но осталось то в три с половиной раза больше! Дед и про это мне рассказал. Их хохляцкий край в селе считался зажиточным, но были, конечно, и бедные переселенцы. Дело в том, что с началом реформ по России покати́лся слух, что в Сибири текут молочные реки с кисельными берегами. И поехали в Сибирь так называемые самовольные переселенцы без регистрации, без льгот, с одним только желанием разбогатеть. Вот они-то и мыкались без земли, без жилья. Хотя и им пыталось помогать Переселенческое управление.

А дед Максим со своих 40 десятин (только зерновых!) продавал до четырех тысяч пудов хлеба. Позже от мамы, агроно-

ма по образованию, я услышал, что это называлось стопудовым урожаем. Несбыточная мечта большинства советских колхозов: 16 центнеров с гектара с минеральными удобрениями, тракторами, комбайнами. Откройте любой статсправочник, посмотрите среднюю урожайность: 1940, 1950, 1960 годы – 10, 11, максимум 12 центнеров с гектара. А дед эти заветные сто пудов собирал уже в 1913 году врукопашную! А вот после реформ Хрущева с 1963 года Россия во все больших масштабах начала покупать зерно на Западе, в Канаде и США, а мясо – в Аргентине! Помню, дед вслух читал детские сказки о светлом пришествии коммунизма в газете «Известия», о том, что мы догоним и перегоним Америку по производству мяса, ухмылялся в усы, но ни слова не говорил против власти, которая так его обласкала. А я помню с тех времен веселую школьную поговорку: «Держись, корова из штата Айова!» или еще круче: «Мы Америку догоним по надоям молока, а по мясу не догоним: ... сломался у быка!» Когда началась целинная эпопея, отец мой активно участвовал в подготовке бухгалтеров для новых целинных совхозов (колхозов там вообще не было), ездил в Кулунду, на Алтай, в итоге получил медаль «За освоение целинных и залежных земель». Но вещи рассказывал ужасные, особенно о первых урожайных годах, когда горы собранного зерна, поливаемые дождями, горели. А элеваторов и зернохранилищ не хватало, да и вывозить было не на чем! Дед на такие рассказы только огорченно хмыкал и доставал новую бутылку самогона. Правда, после освоения целины производство зерна наконец превзошло уровень магического 1913 года, но для этого пришлось распхать около 40 млн га целинных и залежных земель.

Изба тетке считалась зажиточной, в доме были не только иконы в красном углу, но и книги, даже старый-престарый патефон. Отсюда в 41-м ушел на фронт ее муж Семен Иванович Зельков. Ушел и канул в неизвестность. Его судьбой занималась дочка Валя, даже писала Булганину, он тогда был министром обороны и маршалом, и отец мой, когда пришел с войны. В итоге из Минобороны пришел официальный ответ, что Семен Зельков пропал без вести под Ленинградом в 1943 году, извещение вручено его вдове. Тогда же! А тетка никакого извещения не получала! И небольшие деньги, приходившие на ее имя, кем-то клались в карман. Химичили и на этом святом деле и в те суровые времена. В конце концов в 1954 году тетка получила за пропавшего без вести мужа аж 9,5 тыс. руб., большие деньги по тем временам: отец, старший преподаватель ВЗФЭИ, получал в это время 1600 руб. Но и на этом история не кончилась: в конце 90-х из Сибирского Кадетского корпуса Валентине Семеновне Зельковой пришло письмо о том, что ее отец похоронен у села Погостье Кировского района Ленинградской области, экспедиция кадетов нашла медальон на месте боев. Кроме того, семья Шапошниковых оставила на войне двоих: братьев Степана и Дмитрия. Старшего брата Федора, богатыря и красавца, случайно убил поселковый милиционер. Дядя Федор приехал на побывку из Донбасса, где вкальвал шахтером. Отец рассказывал, как они шли с братом из соседской бани (своя была отобрана вместе с усадьбой), шли распаренные и счастливые по росистой траве, как вдруг из-за угла вывернулась усатая сволочь в белой гимнастерке и громко назвала имя известного вора, вроде бы скрывавшегося где-то в селе. Федор спросил: в чем

дело? И в следующее мгновение получил пулю прямо в сердце, милиционер стрелял отлично, но он ошибся, его пожурили и перевели из села. Но перед этим другой брат Николай Максимович, косая сажень в плечах, разыскал этого усатого таракана и до полусмерти избил так, что белую гимнастерку не могли отстирать от крови, об этом знало все село. Дядя Коля скрылся и уже перед войной объявился в Томске, где и прожил затем всю жизнь. А дела никакого и открывать не стали, ибо Федор считался сыном раскулаченного.

В конце пятидесятых электричества в селе Ургун не было, как не было и радио, жили с керосиновыми лампами. Одна радость: раз в неделю приезжала кинопередвижка, запускался движок и в клубе показывались последние фильмы. Помню с каким восторгом мы с дедом смотрели «Максимку». А тетка Матрена работала в колхозе, получала какие-то небольшие трудовни, регулярно отвозила молоко на молокоанку, а дед еще подрабатывал где мог, от косьбы до плотницких дел. Два моих деревенских приятеля жили в избушках с земляными полами. Это было очередным деревенским открытием. А как же зимой? – спрашивал я своего приятеля Сережку Кругликова. Нормально, – отвечал приятель, – соломы набросать, да пимы не снимать. Валенки в Ургуне все называли пимами. И тетка, и дед вспоминали, что «когда шли колчаки» в 1919 году, у них реквизировали все более или менее целые пимы – валенки, не только новые, но и подшитые.

Когда покос заканчивался, дед обязательно топил баню. Неважно, в субботу это случалось или в другой день. Суббота назначалась баннным днем по определению, как у Алеши Бесконвойного из рассказа Шукшина. Баня была старой, поко-

сившейся и топилась по-черному. (Сейчас, как старый банщик, могу утверждать, что самый «вкусный» пар именно в бане по-черному!). Наша баня стояла на краю усадьбы, на берегу крохотного зарастающего озерца. И бросаться из бани в воду стало высшим наслаждением, здесь подхватил я у деда первые уроки банного мастерства. Мы ходили всегда «в первый пар». «Бабы пусть идут потом, им и того хватит», – говаривал дед, растапливая баню и доставая веники. Я по малолетству выдерживал на полке с дедом сколько мог. А он в запале хлестал себя веником по бокам и кричал мне: Держись, внучек, ... твою мать!» Он и приучил меня и к банной шапке, и к банным рукавицам. А потом мы вместе прыгали с полка, а потом с мостков валялись в озеро, откуда в ужасе разбежались лягушки и головастики. После трех-четырех заходов мы пили хлебный квас и шли домой ужинать, и тут начиналось свое священнодействие. На столе дымился чугунок с вареной картошкой, а в русской печи шкворчала сковородка с чем-то вкусным. Дед обязательно доставал из потайного угла бутылку водки или самогона и, поминая добрым словом Александра Васильевича Суворова, выпивал стакан за легкий пар и доброе здоровье. От него я и услышал впервые известные слова о суворовском завете по поводу продажи исподнего после бани! Дед почти не рассказывал о прошлом. Может быть, я был для него слишком малолетним собеседником? Он умер в 1962 году, когда мне исполнилось 14 лет. Все его рассказы связаны с какими-то событиями, даже незначительными. Так, однажды после бани, и после ритуального стакана, мы услышали страшный грохот и вылетели из-за стола на крыльцо. Прямо над нашим домом на предельно малой высоте делала горку тройка реактивных истре-

бителей с таким ревом, что хотелось вжаться в землю. Дело в том, что между Ургуном и Евсино летом всегда устраивалось летное поле, где какая-то часть совершала учебные полеты на первых МИГах, и зона закрывалась для мирных жителей. А пока мы с дедом, оглушенные, вернулись за стол, и тут-то он рассказал мне про Первую мировую войну. Он ушел на германский фронт в 1915 году, хотя мог бы еще год-два подождать, как переселенец. Но идти в бой «За веру, царя и Отечество!» – это было, по его мнению, правильно. Летом 1915 года бежал он из полевой кухни к своему взводу, это на Западной Украине, – дело было во время брусилковского прорыва, когда налетели проклятые германцы. Он никогда не говорил «немцы», только «германцы!» Дед упал на траву, а в каждой руке по 7 котелков в специальных станках. Слышал только стрекот пулеметов да грохот пуль по железу. А когда налет кончился, все 14 котелков оказались пробиты и пшенная каша потихоньку вытекала на родную украинскую землю. Ну что, – говорил дед, – подхватился я и бегом до хлопцев, еще и поест успели. Тут дед принял еще полстакана и затянул старинную песню «Брала русская бригада галицийские поля, и остались мне в награду два железных костыля!» Эту песню дослушал я через сорок с лишним лет в телепередаче «В нашу гавань заходили корабли»...

В середине пятидесятых дед Максим стал уполномоченным по заготовке лекарственных трав от Областного аптекоуправления. Тут сыграл свою роль его старый знакомый еще по ссылке по фамилии Юрганов. Не случайно в России говорили, что торемная дружба (как и фронтовая) самая крепкая, ибо человек проверяется у жизни на краю. Заготавливал дед в основном расте-

ние с названием горичвет, в просторечии – стародубка. С массой полезных свойств от сердечно-сосудистых до геморройных. Эта хворь, как известно, на Руси называлась веселым словом «почечуй». Дед так ее и называл. Замечу, так называл ее и Пушкин, даже в «Онегина» это слово вставил! Для заготовки стародубки и расчета с населением (заготовителями) деду выделялись деньги (кои он, как настоящий счетовод, строго учитывал и хранил) и, главное, товары широкого потребления: ткани, свечи, керосиновые лампы, инструменты и т. д. И это еще не главное. Главное в том, что для перевозки мешков с корнями стародубки и товаров в оплату деду выделялась грузовая машина на два летних месяца, когда стародубка созревала. Машина эта – старый полуразбитый ГАЗ АА, в просторечии полуторка, но водитель исправно заводил ее каждое утро и колдовал над ее стальными потрошками вечером. Звали его, конечно, Вася, и выглядел он за рулем супергонщиком. Характерный штрих: двери водительской кабины не закрывались (замки сломались, видимо, еще до войны) и каждую дверцу надо было привязывать шнурочком с бантиком! Ну и что, говаривал бывало Вася, зато заводится и едет! Эти шнурочки и стали причиной одного из приключений.

Ездили мы в основном в треугольнике Искитимского, Черепановского и Маслянинского районов. Это очень красивая пересеченная местность со множеством холмов, рек, речушек, озер. Одни скальные ворота на реке Малый Ик чего стоят! Мы туда тоже заезжали, и дед рассказывал, что до начала коллективизации скальные ворота были перекрыты плотиной и рядом с большим рукотворным озером шумела водяная мельница. Качество помола у здешнего мельника, вроде бы латыша, было та-

ким высоким, что зерно к нему возили за многие десятки верст, случалось и из Гусельниково (хотя были мельницы и поближе). Ну а потом появился сталинский «Год великого перелома»: плотину взорвали, мельницу разрушили, а мельника пустили в расход как нераскаившегося кулака. Деда, кстати, раскулачили только потому, что был он единоличником и вступать в колхоз ни за что не хотел. Сейчас вместо озера журчит речушка и лес все также шумит, и отвесные скалы поднимаются в небо... Сибирская Швейцария, одним словом! В наше время здесь возникло немало горнолыжных центров: Линево, Новососедово, Пихтовый гребень, Юрманка... Но до этого было еще много десятков лет, а пока мы носились с горы на гору, от села к селу, кузов наполнялся очередными мешками со стародубкой. Чаще всего дед ездил в кузове, охраняя свое добро, а мне уступал кабину. Василий обожал носиться по холмам, потому что под горку его старушка вместо штатных 60 км в час давала и 80, и 90! Вот и с очередной горки он поддал газу и засвистал по-разбойничьи, высунувшись далеко из кабины. Я по его примеру тоже заорал от восторга, повиснув на двери. А под горой дорога довольно круто поворачивала влево. И тут на вираже, на пике разгона, когда полуторка вспоминала свою лихую молодость, лопнул шнурок у моей правой дверки, и я вылетел из машины. Я повисел некоторое время на открытой дверке, а потом центробежные силы сорвали меня и покатали в густую траву у обочины. Вася этого даже не заметил, заметил дед, он и замолотил кулаком в крышу кабины. А я катился и катился сначала по траве, потом по стерне, пока не уперся в небольшую копну сена. Когда я открыл глаза, надо мною стоял дед, улыбался в усы

М.А. Шапошников и Л.Я. Шапошникова.
Село Ургун. 1951 г.

и держал в руках почему то грабли, которыми ворошат и сгребают сено. «Повезло тебе, внучек, – услышал я, – грабли-то лежали зубьями вверх!» После этого случая дед выдал Васе два тонких сыромятных ремешка для привязывания дверей кабины.

Это происшествие несколько не отбило у Васи охоты носиться где можно и где нельзя. Помню, въезжаем мы потихоньку в большое село Шадрино, дед как всегда сидит наверху на мешках со стародубкой. И тут Василий острым взором старого бабника замечает впереди кучу молодых баб и девок, сидящих на лавке у длинной бревенчатой стены. Вася расправил плечи и уда-

рил по газам. Машина полетела по травянистой дороге, а у заветной лавки под любопытными женскими взорами вдруг резко приподнялась над дорогой и глухо ударилась о землю. И тут уже женский хор запричитал: «Стой, стой, дурень! Человека потерял!» Мы с Васей выскочили из машины и увидели деда на траве на мешке со стародубкой. Этот мешок и спас его от серьезных ушибов. А дело было просто: бабы в свой женский день сидели у общественной бани (которая, как ни странно, действовала в селе), распаренные и счастливые. А от бани поперек улицы была прокопана довольно глубокая канавка для стока воды, плохо заметная в густой траве. На этой канавке да на хорошей скорости наша полуторка и взлетела в воздух. Дед взлетел вместе с мешком, на котором сидел и пока он летал, кузов из-под него ушел, падать пришлось на траву. Когда мы выскочили из кабины, воздух был наполнен густым запорожским матом, в котором с трудом угадывались мне к тому времени уже знакомые русские слова. Такой же запорожский монолог прозвучал незадолго до этого, когда наш железный конь застрял в грязи и тоже по Василию недогляду.

Где-то в районе Листвянки проселочная дорога круто уходила под насыпь узкоколейки, а в насыпи для проезда мирных жителей был построен настоящий тоннель. И в этом тоннеле всегда стояла огромная лужа, а у въезда и выезда непролазная грязь не просыхала даже в самую лютую июльскую жару. Вася как всегда на хорошем ходу влетел в эту лужу и застрял

по самые ступицы! Тут-то и услышал я знакомую запорожскую речь, в которой «бисов сын» было самым ласковым выражением. И Васе, и деду пришлось разуваться, чтобы не промочить сапоги, я же скинул тапочки и провалился сразу выше колена! Помочь тут мог только трактор, но где его искать? Мы бродили босые около застрявшей машины и слушали затишающие дедовы матерные причитания. До ближайшего села, то ли Горлово, то ли Горелово, было не меньше десяти верст, да и не нашлось бы в селах и колхозах тогда тракторов, все трактора были в МТС, куда, как известно, собирался уйти Матвей Морозов (см. «Дело было в Пенькове»).

И тут на наше счастье с другой стороны насыпи послышались знакомые всякому хохлу понукания: «Цоб, цобэ!» На двух быках мужик собирался везти целую копну сена. Но копна стояла на нашей стороне! Мы распрягли быков, взяли вожжи вместо постромок, и Вася босиком сел за руль. Вася врубил полный газ, мужики заорали в три голоса и огрели быков хворостинами. Полуторка наша вылетела из векового болота как пришпorenная. Мы помогли доброму дяде снова запрячь быков, и дед подарил ему на прощанье здоровый кусок хозяйственного мыла, очень ценимого в здешних местах (это из дедовых запасов ширпотреба). Прежде чем поворачивать к дому, мы устроили привал на небольшой полянке, разожгли костер и поставили вариться картошку. И тут уж дед расщедрился, достал две банки консервов «Частик в томатном соусе» и вытащил из своих товарных запасов бутылку самогона. И первый тост

Максим Акимович Шапошников
и Лепестинья Яковлевна Шапошникова. 1956 г.

«За чудесное спасение» сопровождался поминанием Николая угодника, Пресвятой Богородицы и всех первоспасских превращений (дело-то случилось на первый Спас). Я же уминал молодую картошку с зеленым луком и чесноком, в придачу с томатным частичком и понимал, что ничего вкуснее есть мне не приходилось (и по сию пору так считаю!). Дед же после стакана самогона и молодой картошки отвалился на телогрейку и затянул свою любимую песню: «Бобыль гол, как сокол, поет, веселится!» И тут его как прорвало, он вдруг впервые стал рассказывать нам с Васей о том, как попал в Гусельниково.

Как в 1911 году агитаторы, государственные люди приезжали к ним под Полтаву, в деревню Яблонивку и уговаривали всех переезжать в Сибирь, где свободной земли – как у дурака махорки! Столыпинская реформа продолжалась, хотя пуля для Петра Аркадьевича уже отливалась. Стреляли в него, как известно, 1 сентября в Киевском театре, 5-го он умер. «И шо ж вы соби думаете? – вопрошал дед. Подхватились мы, десять здоровых мужиков, и поехали смотреть новые места, сначала по железке до Новониколаевска, а потом на подводах до Гусельниково. Присмотрели себе наделы, пощупали землю, хотя была еще весна, и вернулись за семьями. У меня-то только дочка одна была, а как получили земельную ссуду да маленько обжились, так парнишки и поперли! Пять сынов получилось! Потом дед даже показал мне истрепанную брошюру «Что нужно знать переселенцу о Сибири», изданную в 1908 году тиражом более 500 тыс. экземпляров. В ней приводились уже упомянутый перечень льгот, особенности сибирского климата, приемы и сроки обработки земли, даже варианты строительства домов. Полученную ссуду дед так и не вернул Крестьянскому банку, в 17-м году он вернулся с фронта и снова начал активно хозяйствовать, не вступая ни в какие партии и не поддерживая ни белых, ни красных. Году в двадцать пятом даже получил грамоту культурного хозяина. Еще он активно участвовал в промышленной кооперации – явлении почти неизвестном в России, а в Сибири очень распространенном. Крепкие хозяева объединялись, делая то, что у кого лучше получалось, от запашки земли, косовицы до продажи и обмолота, кузнечных и валяльных дел и т. п. Дед и сыновей своих обу-

чал разным умениям: плотницкому, столярному, скорняжному и т. п. Тогда никакой пожар не страшен, как он говорил. Жаль, отец не успел ничему такому научиться, ему было 10 лет, когда деда раскулачили. В это же время в СССР, согласно статистике, активно продолжался экспорт зерна: 31-й год – 48 млн центнеров, 32-й год – 52 млн центнеров при заметном падении объема производства этого самого зерна (производители, как известно, умирали в ссылках). В 1932 году валовой сбор упал до 47 млн тонн. И в это же время СССР бьет все рекорды по импорту машин и оборудования, включая, конечно, и небольшое количество тракторов и комбайнов: 1931 год – 45 % мирового экспорта, 1932 год – 58 % общемирового экспорта – только советские закупки. Похоже, на деньги деда Максима, фигурально выражаясь, это все и покупалось. Ведь раскулачены было более 3,5 млн человек, и все их имущество ушло в казну: дома, сельхозмашины, рабочий и продуктивный скот, запасы зерна, денежные сбережения и т. д.

Совсем недавно, в 2006 году, в Манеже открылась огромная выставка, посвященная 65-летию обороны Москвы. Я бродил по бесконечным залам, где выставлено было немало раритетов, включая карты Генштаба с автографами Сталина, Шапошникова, Василевского, а еще и немецкие карты, немецкое оружие, немецкие мундиры. В одном из залов неожиданно встретился я со старой знакомой полуторкой ГАЗ АА, хорошо отреставрированной и свежеевыкрашенной. Я тут же подошел к водительской двери и открыл ее. Никаких ремешков, конечно, не было и в помине, но знакомая баранка, три педали и обшарпанное сиденье находились на ме-

сте. Слезы брызнули у меня из глаз, когда я захлопнул дверь. Стоявшая рядом старушка, взглянув на меня, неожиданно спросила: «Простите, Вы что, воевали на этой машине?» Не вдаваясь в подробности, я ответил, что воевал на такой машине мой дед Максим. Последние годы жизни основным его транспортом стали большие деревянные деревенские санки. На этих санках дед каждую зиму возил целые кипы банных березовых веников, заготовленных летом в Ургуно. Каждое утро в ватнике и пимах он отправлялся к Логовским баням на улице Логовской, которая сейчас зовется улицей семьи Шампиных. Веников дед заготавливал не одну сотню, стоили они в те времена рубля полтора (трамвайный билет 30 коп.), и наторговывал он в зимний сезон до 500–600 руб., даже помогал багьяне с ремонтом и реконструкцией дома. Правда, навыки хлебороба дед тоже не забывал. Рядом с нашим домом в 50-е годы простирался городской ипподром, который тянулся от улицы Граничной (ныне О. Жилиной) до улицы Ипподромской. На этом огромном пространстве с красивыми трибунами, конюшнями, сараями (помимо бегов и мотогонок) ежегодно по осени устраивались сельскохозяйственные выставки. Моя мама Евлалия Афанасьевна Шапошникова была одним из организаторов, ибо работала в Управлении сельского

хозяйства облисполкома и занималась вопросами районирования. Тогда-то, году в 1956–1957, у нас дома обедал легендарный Терентий Мальцев, ибо дом был рядом с выставкой и мама позвала Терентия Семеновича на обед. А дед Максим как раз привез в город очередную машину стародубки. Так и сошлись за одним столом, за тарелкой щей и рюмкой водки почетный академик ВАСХНИИЛ, дважды Герой соцтруда и раскулаченный культурный хозяин. Спорили о любимой мальцевской озимой ржи, о пшенице, гречихе. После первой рюмки быстро перешли на ты, мама только успевала комментировать острые, не всегда нормативные высказывания. Расстались Терентий Семенович и Максим Акимович вполне довольные друг другом.

А еще дед Максим разводил кроликов, делал стеариновые свечи, в том числе и на продажу, и вообще был «страшно упертым хохлом». И умирать дед совсем не собирался на 82 году своей жизни. Он провалился под лед где-то под Ургуном, простыл, заболел и умер почти у меня на глазах от воспаления легких. Дело было в доме на улице Лермонтова, 59. Дед уже больше месяца не вставал. Помню, я взял его холодную руку и услышал: «Вот так, внучек, видно, смерть моя подходит, а ты живи дальше и помни меня!»

Вот с тех пор я живу и помню.